

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИРИНЫ СВЯТЛОВСКОЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ДОБРОЛЮБОВЕ

Статья посвящена неизвестным ранее воспоминаниям Ирины Добролюбовой о ее брате, поэте Александре Добролюбов, одному из основоположников русского декаданса и раннего символизма.

Александр Добролюбов, Ирина Добролюбова, декаданс, символизм.

The article is devoted to Irina Dobrolyubova's unknown memories of her brother, the poet Alexander Dobrolyubov, one of founders of the Russian decadence and early symbolism.

Alexander Dobrolyubov, Irina Dobrolyubova. decadence, symbolism.

Введение.

В настоящее время, когда роль Александра Добролюбова в становлении и развитии русского декаданса и символизма не вызывает сомнений, как не вызывает сомнений и уникальный характер его личного биографического мифа, который он сознательно выстраивал и наполнял содержанием, каждое новое свидетельство о его жизни представляется особо ценным.

Основная часть.

Ирина Михайловна Святловская (в девичестве Добролюбова; 1890–1971) – самая младшая из братьев и сестер Добролюбова и единственный член этой большой семьи, с кем он вел постоянную переписку – вплоть до в 1940-х гг. Она жила в Ленинграде на Геслеровском проспекте (ныне – часть Чкаловского проспекта) со своим мужем профессором Е. Е. Святловским. Она поддерживала брата в его скитаниях по России и Советскому Союзу, посылала ему нужные вещи (пыталась даже посылать деньги, но от денег он весьма твердо отказывался), собирала ему справки, когда он терял паспорт (а это происходило с ним не раз) и даже организовывала обращения в ЦИК, когда его арестовывали. Наряду с сестрой В. Брюсова Надеждой Яковлевной и его женой Иоанной Матвеевной Ирина Святловская была посвящена в самые глубинные оттенки религиозно-философских воззрений брата, знала о его издательских планах. Вот почему когда в 1938 г. Добролюбов смог, наконец, накопить денег на дорогу, он прежде всего направился в Ленинград, к сестре, а потом, прожив у нее несколько недель, продолжил свой путь в Москву. Не случайно в своих воспоминаниях Ирина Михайловна именует брата «А. М. Д.» – именно так, с аллюзией на пушкинского «Бедного рыцаря», любил подписываться сам Добролюбов, обыгрывая свои инициалы.

Воспоминания о брате Ирина Михайловна продиктовала по просьбе своего сына – Глеба Евгеньевича Святловского (1922–2004), который сам еще

успел пообщаться с дядей (во время приезда Добролюбова в Ленинград ему было 16 лет) и впоследствии, уже после войны, начал собирать о нем биографический материал. В 1966 г., когда он записывал эти воспоминания, матери было уже 76 лет. Видимо, этим объясняются некоторые хронологические aberrации в биографии брата, оговоренные в комментарии. Несмотря на это, мемуаристке удалось передать внутренний колорит жизни семьи, интересы Добролюбова, его порывы и биографические эксперименты. Вообще, строго говоря, особая ценность этих мемуаров именно в пресловутом «взгляде изнутри», так как до этого такой возможности – посмотреть на Добролюбова глазами членов его семьи – возможности у нас не было.

Выводы.

Текст воспоминаний записан рукой Г. Е. Святловского с припиской И. М. Святловской, которой она подтверждает подлинность записанного. Печатается по автографу (хранится в частном собрании).

Ирина Святловская. Воспоминания о А. М. Добролюбова

Со Л<ьвом> Толстым взгляды его совпадают в том, что человек д<олжен> жить трудом рук своих. Это была основа религиозности А. М. Д., моего брата. Он верил вообще в Бога, в то, что у Бога есть помощники на земле. Спросишь его: «Куда собираешься?» – а он скажет: «Если Бог благословит, то поеду...».

В церковь А. М. Д. не ходил, был против обрядов (считал, что Бог – везде, увлекался индийскими религиозными философами, Хагават-Гита¹ читал, это вроде священного писания у индусов). <Это было> раньше, до ухода «в народ», – куда ушел, сказав: «Пойду искать правду!»

¹ В современной транслитерации: Бхагаватгита (Бхагават-гита) – составная часть Махабхараты, священная книга индуизма.

Сначала он был послушником монастыря в Соловках, даже носил вериги¹. Поехал он туда сам. Он поехал туда лет 18–19 после окончания гимназии. Сначала он устроил в своей комнате алтарь. Для этого, обив черными обоями свою комнату, поставил к стенке или на стенке репродукцию мадонны итал<ьянского> худ<ожника> Мурильо, закрывался.² Это было в нашей кв<артире>, я любила к нему ходить, и на подоконнике внутреннем в коридоре, где было окно, брат клал всегда, улыбаясь, кусок хлеба с солью, объявляя: «Кладу домовому, надо, чтобы он был сыт».

У него было оч<ень> много книг редких. Он много читал, читал всех. Мне было года 3–4, когда он ушел в монастырь.³ А мама⁴ оч<ень> горевала, хотя удержать его не могла. А папы уже не было в живых: он умер, когда я родилась.⁵

Сестра Маша⁶ (М. М. Д.) после 1905 г. считала, что надо идти револ<юционным> путем, а до этого, когда он уходил в монастырь, считала, что «у каждого свое спасение и свой путь» (так она писала в дневнике).

После Соловков он вернулся и сказал, снова уходя, что, м<ожет> б<ыть>, не скоро вернется... Он ушел странствовать, искать правды в народе, где ему удалось отговорить двух казаков (братьев Орловых⁷ где-то в области Войска Донского, около Оренбурга) отказаться от воинской повинности.⁸ Это ему удалось сделать. Когда он навестил их 2-й раз, то застал жен их заплаканными и узнал, что их взяли и повезли в Оренбург. Он сам поехал узнавать об их судьбе и попросил пройти к начальнику тюрьмы, и сказал, что виновен он, чтобы их отпустили, а взяли его, А. М. Д. Н<ачальни>к арестовал его, но и братьев Орловых не отпустил. А. М. Д. привезли по этапу в Петербург. Я помню, гувернантка маме играла как

раз сонату – Аппассионату (это было на Песках, где сейчас 5–6 Советские, назывались они Рождественские). Вышли мы в прихожую, а там Саша, брат с двумя полицейскими, державшими обнаженными, остриями кверху, палаши.

Мама хорошо заплатила врачам, чтобы они признали его душевнобольным.⁹ Одно время он сидел на углу Загородного и Гороховой во временной камере. Сестра Маша тут была против неправды и против действий матери, кот<орая> хотела признать его душев<но>больным (mania religiosa).

Она считала, что если брат Саша не хочет, то не надо¹⁰, считала, что он и в самом деле может свихнуться.

Суд с зачетом предварительного заключения приговорил его к 3 годам тюрьмы – в «Кресты», он отсидел около 2-х лет, а на поруки только было временным, пока разбирали его дело.

В «Крестах» он и написал свою «Из Книги Невидимой»¹¹ и многие стихи.

Сестра Маша любила его стихи, понимала их. Кажется, это любила: «А и знаю я, братцы...», кот<орое> кончалось:

Не могу я, братцы, кречетом лететь,
А и с той поры, братцы, гвоздь в голове
А и нету силы, братцы, кречетом лететь.¹²

⁹ В свидетельстве, подписанном 8 марта 1902 г. докторами П. Розенбахом и Б. Томашевским было указано, что ее сын «одержим душевным расстройством в форме первичного помешательства (raganoia)» (архив Г. Е. Святловского).

¹⁰ Добролюбов был возмущен желанием матери спасти его от тюрьмы с помощью признания душевнобольным. 25 марта 1902 г. из лечебницы он обратился с заявлением к помощнику начальника Оренбургского жандармского управления г. Троицка, из которого нам становятся ясны некоторые подробности происшедшего с ним: «...мать моя хочет признать меня не в полном разуме, чтоб уклонить меня от суда, *уклоняться которого я считаю бесчестным, особенно когда за меня страдают другие* <выделено Добролюбовым. – А. К.>. [5, с. 441]. Известно, что этот инцидент серьезно ухудшил отношения Добролюбова и его сестры Маши с матерью. «Мои дети восстали на меня, – рассказывала впоследствии Мария Генриховна В. Брюсову. – Дочь заявила, что тогда пойдет в монастырь... Он там был всего десять дней...» [1, с. 87].

¹¹ Сборник стихов А. М. Добролюбова «Из книги Невидимой» вышел в 1905 г.

¹² Точный текст цитируемого стихотворения А. М. Добролюбова:

А и знаю я, братцы,
Что у вас в головах.
А и у меня, братцы,
Завелась болезнь.
А и с той поры, братцы,
Гвоздь в голове.
А и нету силы, братцы,
Кречетом летать.
Но недолго мне, братцы,
С вами говорить,

¹ На Соловках Добролюбов пробыл около года с лета 1898 по весну 1899 года. Послушником он никогда не был, а жил в качестве трудника. Вериги он действительно некоторое время носил, и последующее расставание с монастырем отразилось в его стихотворении «Прощайте вериги, недолгие спутники грусти...».

² См. об этом, например, также: [2], [4]. На эту эстетику оказал влияние роман Ж. Гюисманса «Наоборот».

³ Явный анахронизм. Ирина Святловская родилась в 1890 году, следовательно к моменту ухода Добролюбова в монастырь ей было 7–8 лет.

⁴ Мать Добролюбовых – Мария Генриховна Добролюбова (в девичестве Левестам; 1847–1916).

⁵ Отец Добролюбовых – Михаил Александрович Добролюбов, действительный статский советник, скончался вскоре после переезда семьи из Варшавы в Санкт-Петербург – в 1892 г. Его дочери Ирине было около двух лет.

⁶ Мария Михайловна Добролюбова, сестра А. М. Добролюбова (1880–1906); см. о ней: [6].

⁷ Фамилии двух казаков были – Неклюдов и Орлов, братьями они не были.

⁸ Об этом инциденте см.: [8]. Вторая поездка А. М. Добролюбова на Урал состоялась в декабре 1901 г., отсюда он был препровожден в Санкт-Петербург в феврале 1902 г.

Мама была дома, м<ожет> б<ыть>, даже знала, что его приведут отдать на поруки. И он остался у нас, так с полгода. Мадам Морис, француженка, была поражена, ей было лет 40–50, и она с той поры боготворила брата Сашу. Она считала себя в горе: у нее была дочь в Лондоне, которую она оставила сестре на воспитание, а сестра так привязалась к малышке, что <та> уже не признавала иной матери, кроме сестры. М<ада>м Морис даже собиралась в Англию (сестра не отвечала ей даже на письма), чтобы выкрасть дочь. Сестра кого-то потеряла и была в горе, готова была покончить с собой в тот момент.

У сестра Маши была открыта на *Кавалергардской* ул<ице> (близ Смольного), тогда она называлась ул<ицей> *Слоновой*¹, школа. Кажется, это теперь ул<ица> *Красной Конницы*. Бесплатная школа для бедных детей. Там сама М. М. Д. преподавала, брали от 5 до 12 лет, ходили узнавать дом<ашнее> положение. Если отец пьяница, разлад, побои мачехи, то брали от них некоторых, с согласия родит<елей> на полный пансион. А так - до 6–8 вечера. А средства собирали, т<ак> к<ак> казна не давала, устраивали благотворительные концерты в ее пользу. Школа *просуществовала года 3*, устраивали и елку, а потом школу посчитали нелегальной и закрыли.

Брат Саша был на филологическом в Петерб<ургском> ун<иверситете>. Самого его <на военную службу> не брали, т<ак> к<ак> старшие сыновья не призывались.

*Опорою семьи нельзя быть мне
И матери надеяться на сына запрещаю,
Себя иному жребию я обрекаю,
За что-то, может, пострадаю,
И многие не вспомнят обо мне.
В иных из нас силен завет отца.*³

Солнце ждет меня, братцы,
Хочет ослепить!
Только странно мне, братцы:
Человеки вы!
И живете вы, братцы,
Только не живя!
Солнце ждет меня, братцы,
И я знаю кто!
Распрощаемся, братцы,
Только навсегда.

¹ И. М. Добролюбова ошибается. Слоновой улицей назывался нынешний Суворовский проспект. Кавалергардская улица тогда имела это же название, а с 1923 по 1991 гг. действительно называлась улицей Красной Конницы. В настоящее время историческое название ей возвращено.

² А. М. Добролюбов учился на историко-филологическом факультете с 1895 по 1898 гг.

³ Приведены первая строфа стихотворения «Опорою семьи нельзя быть мне...» и первый стих второй строфы.

Отец? Я что-то не помню особой религиозности. А мама любила ходить в польский католический костел.

После тюрьмы, после смерти сестры Маши⁴ (в день смерти ее Леонида Семенова⁵ не было, он был в странствиях, а когда вернулся, то это было для него страшным ударом)...

У Л. Толстого, кажется, был: даже заметки, по моему, были.⁶ Резкое – есть указания в «Книге Невидимой» – это против театра, т<ак> к<ак>. считал актеров лицедеями и не считал это полезным для публики, так как люди привыкают быть равнодушными к настоящим чел<овеческим> страданиям, что люди черствеют, ничем их не удивишь. Не был против музыки, песни.

Когда сестра Маша умерла, то осталась по старшинству Лена.⁷ Какие точки были с ней – не знаю. В «Книге Невидимой» – вся его концепция, по моему, – это концепция целомудренной любви.

Семья Квашнины<х>-Самарины<х>⁸, как и Гиппиусы (Вл<адими>р⁹, но не те Гиппиусы, от <которых> была жена Мережковского Зинаида), потом сестры Брюсова (Лидия¹⁰ и Надежда¹¹).. Особенно он был близок с писавшей стихи Надеждой, старшей Е. была открыта муз<ыкальная> школа для детей.

Оч<ень> культурная семья, он любил бывать в их доме. Это семья моряка.

Приехав в 1938 г. к нам, в Л<енинград> с целью повидать друзей и близких, он особенно сблизился с

⁴ Имеются две версии смерти Марии Михайловны Добролюбовой (1880–1906): по одной, она была в качестве активистки эсеровской террористической организации была назначена на теракт, но не смогла решиться и покончила с собой, по другой – умерла от сердечного приступа.

⁵ Поэт Леонид Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1880–1917) был влюблен в М. М. Добролюбову.

⁶ С Л. Н. Толстым А. М. Добролюбов встретился 3–4 сентября 1903 г. в Ясной Поляне. После встречи Л. Н. Толстой сделал запись в дневнике: «Был Добролюбов, христиански живущий человек. Я полюбил его» [7, т. 54, с. 191]. См. также отзывы Л. Н. Толстого о Добролюбове: [7, т. 56, с. 47], [7, т. 74, с. 201–202].

⁷ Елена Михайловна Добролюбова (1882?–1969) после революции эмигрировала во Францию, оттуда переехала в США, где и скончалась.

⁸ Квашнин-Самарин Евдоким Николаевич (1877–1920), друг А. М. Добролюбова, поэт, морской офицер, расстрелянный впоследствии большевиками. Происходил из давнего боярского рода.

⁹ Владимир (Вольдемар) Васильевич Гиппиус (1876–1941) – друг и одноклассник А. М. Добролюбова по гимназии, поэт, критик, литературовед. Умер в блокаду. В. В. Гиппиус принадлежал к тому же роду, что и Зинаида Гиппиус, приходясь ей троюродным братом.

¹⁰ Лидия Яковлевна Брюсова (в замужестве – Киссина) (1888–1964). Сестра В. Я. Брюсова.

¹¹ Надежда Яковлевна Брюсова (1881–1951), сестра В. Я. Брюсова. Длительное время находилась под влиянием А. М. Добролюбова, была в него влюблена, писала стихи. До конца 1930-х гг. вела с ним переписку, встречалась с ним во время его приезда в Москву в 1938 г.

сыном Мишей¹ (Михаил Евгеньевич). Он даже не успевал пообедать, как А. М. Д. звал его к себе в чуланчик, где они подолгу беседовали. «Миша, – сказал о нем брат Саше (Ал<ексан>дру Евг<еньевичу>²) Евг<еньевичу>²) однажды, когда мы пилили с ним дрова, – Миша ведь настоящий христианин».

*Саша хотел свои стихи (1938) систематизировать.*³

В период войны я получила одну открытку на контору ЖАКТа, где он разыскивал нас.⁴ Я ответила, ла, что очень страдаю, потеряв близких.⁵ Он тоже ответил, написал в ней: «Все страдают...»⁶

Это меня обидело. Если все страдают, – значит, я должна молчать. Но Саша не давал прямого адреса жития, считая это более достоверным и безопасным путем: «Евлах, до востребования»⁷. Я долго после этого ему не отвечала, а потом наша связь оборвалась.

Написано с моих слов, что лично подтверждаю...

18 декабря 1966 года

И. М. Святловская

1. Брюсов, В. Дневники 1891–1910 / В. Брюсов; подг. к печати И. М. Брюсовой; примеч. Н. С. Ашукина. – [М.,] 1927.

2. Гиппиус, Вл. Александр Добролюбов / Вл. Гиппиус // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. 1. – М., 2000. – С. 259–272.

3. Добролюбов, А. М. Из книги невидимой / А. М. Добролюбов. – [М., тип. О-ва распр. полезных книг, 1905.

4. Мин, Н. [Н. Минский]. Обращенный эстет. Эскизы / Н. Минский // Рассвет. – 1905. – 5 апреля. – №82.

5. Минский, Н. Стихотворения и поэмы / Н. Минский, А. Добролюбов ; сост., вступ. ст., подг. текста, примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова. – СПб., 2005.

6. Святловский, Г. Е. Добролюбова Мария / Г. Е. Святловский // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. – М., 1992. – С. 134–135.

7. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой – М., 1928–1958.

8. Уральская жизнь. – 1901. – 10 августа. – №213. – С. 3.

¹ Михаил Евгеньевич Святловский (1918–1944?) – сын Ирины и Евгения Святловских. Во время приезда Добролюбова в Ленинград был студентом химического факультета Ленинградского государственного университета, который впоследствии закончил с отличием. Погиб на фронте. После возвращения А. М. Добролюбова из Ленинграда в Азербайджан между ними некоторое время продолжалась переписка, которая не сохранилась.

² Святловский Александр Евгеньевич (1913–1998) – сын Евгения Святловского, мужа Ирины Святловской, от первого брака. Впоследствии – известный ученый, доктор геолого-минералогических наук. В конце 1930-х гг. был студентом Горного института в Ленинграде.

³ А. М. Добролюбов пытался с помощью Михаила Святловского подготовить новое издание своей книги стихов. Сохранился след этой работы – принадлежавший семье Святловских экземпляр «Из книги невидимой» с инскриптом А. М. Добролюбова: «Впервые просмотрено мною в 1938 во время при<е>зда в Петербург. Всё показное откидываю (также всё слишком рабское), остающееся занумеровано, остальное всё ненужное. АД. 1938, 10/XII». В настоящее время этот экземпляр находится в фондах Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока (Солнечногорск).

⁴ Эта открытка, датированная 2 декабря 1943 г. и отправленная на имя дворника дома, где жили Ирина и Евгений Святловский (1890–1942) на Геслеровском проспекте в Ленинграде, сохранилась. В ней А. М. Добролюбов просит сообщить местонахождение сестры. Она является последним дошедшим до нас письменным тестом А. М. Добролюбова.

⁵ Во время блокады, в 1942 г., скончался муж И. М. Святловской Е. Е. Святловский.

⁶ Это письмо не сохранилось.

⁷ Евлах – небольшой город в Азербайджане, где жил А. М. Добролюбов в конце 1930-х – начале 1940-х гг. до переезда в г. Уджары, где он и умер.